

О времени основания и первого упоминания древнерусского Курска

Владимир Енуков, Алексей Раздорский

Defining the time of settlement and the first mention of ancient Kursk

*Vladimir Enukov (Kursk State University, Russia),
Alexey Razdorskiy (Russian National Library)*

Отмеченное в 2012 г. по инициативе курских областных и городских властей «980-летие» Курска даёт повод ещё раз затронуть проблему городских юбилеев и определения точек отсчёта возраста городов, существующую как в исторической науке, так и в общественно-политической жизни. Некритическое восприятие, а в ряде случаев тенденциозная трактовка известий письменных источников, пренебрежение элементарными правилами анализа документов, а также тиражирование давно опровергнутых наукой разного рода историографических ошибок и мифологем, разноречивой в интерпретации имеющихся археологических материалов приводят порой к выведению весьма спорных («1000-летие» Владимира на Клязьме в 1990 г.)¹, а иногда и откровенно сфальсифицированных («1000-летие» Белгорода на Северском Донце в 1995 г.)² городских юбилеев. Инициативу в «обосновании» подобных «юбилеев» проявляют главным образом краеведы, не имеющие должной профессиональной подготовки. В этом вопросе ими, как правило, движет не стремление к установлению исторической истины, а прежде всего желание удревить возраст своего города и вывести солидную и красивую круглую дату со времени его основания. Подобные усилия обычно находят поддержку со стороны местных властей, а в ряде случаев и федеральных структур. Научное же сообщество, к глубокому сожалению, зачастую остаётся безучастным к такого рода инициативам. В результате всё большее распространение получают сомнительные, а нередко недостоверные и ни на чём не основанные представления о времени возникновения тех или иных городов.

Точные даты основания не вызывают сомнений, как правило, лишь в отношении городов, возникших сравнительно недавно. Иначе обстоит дело с городами, появившимися в древнерусскую эпоху. Выяснить не то что день, но и год, и даже десятилетие, когда были основаны подавляющее большинство из них,

© 2015 г. В.В. Енуков, А.И. Раздорский

¹ См.: К вопросу о дате основания г. Владимира: Сборник статей. Владимир, 1992.

² См.: *Раздорский А.И.* По поводу «1000-летия» Белгорода // Отечественная история. 1997. № 5. С. 192–199.

как правило, весьма затруднительно, а нередко просто невозможно. Сведения об этом в дошедших до нашего времени письменных источниках обычно отсутствуют, и определить время возникновения того или иного древнерусского города, хотя бы приблизительно, могут только археологи. Хронологическая точность их выводов в каждом конкретном случае существенно варьируется и во многом зависит от состояния культурного слоя, количества и сохранности артефактов, которые могут представить весомые аргументы в пользу реальности исторических выкладок, однако в пределах более или менее протяжённых временных отрезков.

Отсутствие или недостаток артефактов, их неизбежная хронологическая приближительность, а зачастую спорный характер в оценках приводят к тому, что за точку отсчёта возраста того или иного древнерусского города обычно условно принимается год его первого упоминания в письменности. Так обстоит дело, например, с Москвой (1147 г.). При этом, к сожалению, часто забывают о том, что речь идёт именно о годе первого упоминания, а не основания города (если, разумеется, город не был впервые упомянут именно в связи со своим основанием). Между годом первого упоминания и временем основания города почти всегда лежит некоторый хронологический разрыв.

Наиболее раннее упоминание древнерусского Курска³ в письменных источниках содержится в одном из древнейших памятников русской агиографии – «Житии Феодосия Печерского» (далее – ЖФ)⁴. В этом памятнике, составленном монахом Киево-Печерского монастыря Нестором⁵, сказано, что святой, будучи ребёнком, вместе со своими родителями переселился в Курск из города, отстоящего от Киева на «50 попьришь». Переезд в Курск состоялся по повелению не названного по имени князя. В древнейшем из дошедших списков ЖФ из Успенского сборника, традиционно датируемого концом XII – началом XIII в.⁶, ни год, когда произошло это событие, ни город, откуда приехал Феодосий, не указаны. Помимо Успенского сборника ЖФ находится в многочисленных списках Киево-Печерского патерика (далее – КПП), которые представлены несколькими редакциями. Древнейшими из них являются Арсеньевская (1406), Кассиановская I (1460) и Кассиановская II (1462). В Арсеньевской и Кассиановских редакциях указано название города, откуда в Курск прибыл Феодосий – Василёв. «Хотя большинство историков не сомневаются в том, что Феодосий действительно

³ Здесь и далее речь идёт о древнерусском городе Курске, существовавшем предположительно до конца XIII в. на месте нынешнего Курска, основанного в 1596 г.

⁴ Первое летописное упоминание Курска содержится в статье 1095 г. Повести временных лет (далее – ПВЛ), в которой сказано о походе князя Изяслава Владимировича из Курска к Мурому (Повесть временных лет. Изд. 2, испр. и доп. СПб., 1996. С. 96). Фактически здесь речь идёт о событиях 1096 г. В «Поучении Владимира Мономаха» говорится о движении к Курску князя Всеволода Ярославича, которое приурочивается к осени 1068 г. (подробнее см.: *Раздорский А.И.* Владычешская принадлежность Курского княжества в XI–XIII вв. // *Очерки феодальной России.* Вып. 2. М., 1998. С. 5–9).

⁵ Время составления ЖФ исследователи определяют по-разному – от 1080-х до 1100-х гг. Подробнее об этом см.: *Артамонов Ю.А.* Житие Феодосия Печерского: Проблемы источниковедения // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 2000 г. Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 253–272).

⁶ Несмотря на то что эта рукопись была введена в научный оборот О.М. Бодянским ещё в 1850-х гг. и с этого времени признана основным источником для изучения текста памятника, ряд отечественных и зарубежных исследователей продолжают по сей день изучать и публиковать ЖФ по спискам более поздним, что приводит нередко к необоснованным выводам и заключениям (см.: *Артамонов Ю.А.* Житие Феодосия Печерского... С. 179).

родился в Василёве, – отмечает Ю.А. Артамонов, – доказать это не представляется возможным, поскольку нельзя быть полностью уверенным в том, что название города в тексте Арсеньевской и Кассиановской редакций не является более поздней вставкой⁷. Отметим, что исходя из текста ЖФ, помещённого в Успенском сборнике, практически не приходится сомневаться в том, что речь в любом случае идёт о городе, находившемся на правом берегу Днепра. Едва ли автор ЖФ, указав расстояние места рождения Феодосия от столицы, счёл бы возможным опустить такую важную деталь, как его местонахождение на противоположной от Киева стороне Днепра. Таким образом, судя по всему, семья Феодосия приехала в Курск с Правобережья. Когда же это произошло?

Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть присутствующие в тексте ЖФ хронологические маркеры биографии Феодосия, как бесспорные, так и сомнительные. Точно известно, что Феодосий приехал в Курск ребёнком и уже на новом месте был отдан учителю «на оучение божествъныхъ книгъ». Когда Феодосию было 13 лет, у него умер отец. После этого Феодосий отдался подвижническим трудам, среди которых важное место заняла выпечка просфор. В Успенском сборнике продолжительность этого занятия определена в 12 лет или более («двѣ на десяте лѣтъ или боле творя»), то же чтение подтверждает и Арсеньевская редакция КПП. Однако в обеих Кассиановских редакциях речь идёт только о двухлетнем сроке. Вопрос о том, какое из чтений следует считать первоначальным, стал предметом многолетней дискуссии. Одни авторы (А.М. Кубарев, архиепископ Филарет (Гумилевский), В.А. Яковлев, Е.Е. Голубинский, В.А. Чаговец, В.И. Склярук) считали, что Феодосий занимался выпечкой просфор только два года, другие же (П.С. Казанский, митрополит Макарий (Булгаков), С.А. Бугославский, В.Н. Топоров, С.П. Щавелев) – 12 лет.

В рассказе о приходе Феодосия из Курска в Киев Нестор продолжает именовать его «отроком», а Антоний Печерский во время первой встречи называет Феодосия «юным». Странники двухлетнего исчисления срока просфоропечения указывали, что таких эпитетов Феодосию нельзя было бы дать, если бы он занимался выпечкой просфор 12 лет, поскольку в этом случае его возраст на момент прихода в Киев составлял бы не менее 25 лет. По мнению В.И. Склярука, Нестор «отмечает молодость своего героя не в силу этикетной формулы, обычной в житийной литературе, а в соответствии с фактами реальной биографии»⁸. Однако Ю.А. Артамонов доказал, что рассказ Нестора о приходе Феодосия к Антонию в своих подробностях исторически недостоверен, поскольку базируется на литературном источнике – Житии Саввы Освященного, в котором использованы те же самые трафаретные этикетные формулировки. Действительных обстоятельств и подробностей пострижения Феодосия Нестор не знал⁹. Следовательно, представляется более вероятным, что к моменту прихода в Киев Феодосию было не около 16, а уже около 26 лет (13 лет ему исполнилось на момент кончины отца, и ещё 12 с небольшим лет он занимался просфоропечением).

⁷ Там же. С. 200.

⁸ Склярук В.И. К биографии Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы / Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). Т. 41. Л., 1988. С. 318.

⁹ Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского... С. 207. Термин «отрок» Нестор использует дважды, причём применительно не только к Феодосию, но и к Варлааму, который ко времени своего пострижения уже имел семью (Там же. С. 213).

Год ухода Феодосия из Курска и принятия им пострига в Киеве в Успенском сборнике не указан. Арсеньевская редакция КПП об этом также молчит. И только в тексте Кассиановской I редакции появляется отсутствующая в более ранних списках ЖФ вставка о времени этого события: «в лѣто 6540, при князи благочестивѣм Ярославѣ Владимеричи»¹⁰. Эта же вставка была повторена в Кассиановской II редакции Патерика, легшей в основу польского печатного издания 1635 г., рукописных редакций Иосифа Тризны и Каллистрата Холошевского и славянских печатных изданий КПП, первое из которых вышло в Киеве в 1661 г.¹¹

Поскольку год переселения Феодосия с родителями в Курск не указан ни в одной из редакций КПП, в качестве первого датированного упоминания города стала использоваться именно кассиановская вставка 6540 (1032) г., закрепившаяся в печатных изданиях Патерика. Впервые ссылку на неё находим в «Повести о граде Курске», составленной неизвестным автором в 1660-х гг.¹² Об уходе Феодосия из Курска в Киев в 1032 г. говорится в описаниях Курского наместничества екатерининского времени С.Ф. Башилова (1785)¹³ и С.И. Ларионова (1786)¹⁴. С конца XVIII в. 1032 г. как дата первого упоминания Курска в письменности прочно вошёл в историографию, многократно повторялся и в научных трудах, и в краеведческой и справочной литературе, и стал восприниматься (и воспринимается до сих пор) многими авторами как совершенно бесспорный. В 1982 г., отталкиваясь именно от этой даты, было отпраздновано «950-летие» Курска, а в 2012 г. – «980-летие образования города» (как сказано в официальных документах). В ряде статей, помещённых в изданном в 2012 г. сборнике «О Курске и преподобном Феодосии Печерском», о пострижении святого в 1032 г. говорится как о непреложном факте¹⁵.

Сомнения в достоверности рассматриваемой даты впервые были высказаны ещё митрополитом Евгением (Болховитиновым). Он полагал, что датировать пострижение Феодосия 1032 г. невозможно, поскольку на тот момент «не было ещё при прп. Антонии ни братии, ни монастыря»¹⁶ (возникновение Печерской обители ПВЛ относит к 1051 г.). П.С. Казанский указывал, что Феодосий был пострижен Никоном, который, согласно ЖФ, к этому времени находился уже в зрелых летах. Известно, что Никон в 1078–1088 гг. являлся печерским игуменом, однако по возрасту едва ли смог бы занимать этот пост в указанные годы,

¹⁰ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 21. Год пострижения Феодосия внесен в одних рукописях на полях, в других – в самом тексте, но киноварью (см.: *Абрамович Д.И.* Исследование о Киево-Печерском Патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902. С. 73).

¹¹ Там же. С. 96, 114.

¹² Повесть о граде Курске яко бе из давних лет (ОР РНБ, Q.IV. 10, л. 2).

¹³ *Башилов И.Ф.* Описание Курского наместничества вообще и порознь: всякого города и уезда с планами городам и картами уездам. Сочинённое в 1785-м году курским губернским землемером, поручиком Иваном Башиловым (РГВИА, ф. ВУА, д. 18801, л. 20 об.).

¹⁴ *Ларионов С.И.* Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нём известиях вкратце, собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества верхней расправы прокурором. М., 1786. С. 4.

¹⁵ *Ашихмин А.П., Ильина З.Д.* Из жизни Феодосия Печерского: сопоставление фактов на основе анализа историографии // О Курске и преподобном Феодосии Печерском: Сборник статей, писем, фотоматериалов. Курск, 2012. С. 20; *Пахомов Н.Д., Пахомова А.Н.* Феодосий Печерский – первый знаменитый земляк курян // Там же. С. 86.

¹⁶ *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киевопечерской лавры с присовокуплением разных граммат и выписок, объясняющих оное, также планов лавры и обеих пещер. Киев, 1831. С. 128.

случись пострижение Феодосия действительно в 1032 г.¹⁷ Против отнесения пострижения Феодосия к 1032 г. выступал также А.М. Кубарев. При этом он попытался реконструировать путь возникновения этой даты. В ПВЛ под 1051 г. сказано, что Антоний оставил братию и удалился в другую пещеру, где прожил 40 лет¹⁸. Известно также, что Феодосий умер в 1074 г. – на второе лето после Антония. Сопоставив между собой эти факты, Кассиан при редактировании КПП вычел из года смерти Антония (1073) 40 лет, проведённые им в пещере, и получил год его вселения в новую пещеру (1033). А поскольку Феодосий к тому моменту уже встретился с Антонием, то прийти к нему он мог, по крайней мере, за год до этого, т.е. в 1032 г.¹⁹ Большинство дореволюционных исследователей, в том числе митрополит Макарий (Булгаков), Е.Е. Голубинский, В.А. Чаговец вслед за П.С. Казанским и А.М. Кубаревым признавали год пострижения Феодосия, указанный в Кассиановских редакциях КПП, недостоверным и не имеющим отношения к авторскому тексту ЖФ.

А.А. Шахматов тоже был убеждён, что Феодосий не мог стать монахом в 1032 г., однако при этом полагал, что Кассиан не просто рассчитал указанную дату, а извлек её из некоего письменного источника. В рассказе Кассиановской II редакции КПП о двукратном путешествии Антония на Афон оказались соединены две различные версии истории Печерского монастыря – ЖФ и Жития Антония (далее – ЖА)²⁰. Второе, по мнению Шахматова, тенденциозно удревняло историю обители. Поскольку Кассиан не располагал оригиналом ЖА (тогда бы он внёс его в текст КПП), он использовал иной источник, содержащий дополнительные сведения по ранней истории Печерского монастыря. Среди этих сведений присутствовало указание на 1032 г. как год пострижения Феодосия, которое попало в составленную около 1110 г. Печерскую летопись из ЖА. Печерская же летопись использовалась при создании нового Печерского свода 1182 г. и именно он, считал Шахматов, послужил источником вставок и дополнений, внесённых в КПП Кассианом²¹. Учёный не допускал, что Кассиан просто придумал 1032 г., так как в этом случае он впал бы в явное противоречие как со Сказанием о начале Печерского монастыря, так и с ЖФ, из которого, по мнению Шахматова, следует, что Феодосий пришёл к Антонию при княжении Изяслава Ярославича.

Взгляды Шахматова по данному вопросу Ю.А. Артамонов подверг аргументированной критике. Во-первых, как отметил исследователь, из ЖФ вовсе не следует, что Феодосий пришел к Антонию при Изяславе Ярославиче: рассказ о первых годах подвижничества Феодосия вообще лишён хронологической определённости. Во-вторых, у Кассиана не было причин опасаться несоответствия с летописным Сказанием о начале Печерского монастыря, так как он придумал

¹⁷ *Казанский П.С.* О времени основания Печерской обители // *Временник Общества истории и древностей российских.* 1854. Кн. 19. С. 38.

¹⁸ Указание на 40-летний срок безысходного пребывания Антония в пещере большинство исследователей признают недостоверным и полагают, что оно возникло вследствие механической ошибки переписчика (подробнее см.: *Карпов А.Ю.* Когда возник Киевский Печерский монастырь? // *Очерки феодальной России.* Вып. 1. М., 1997. С. 5–6).

¹⁹ *Кубарев А.М.* Нестор, первый писатель российской истории, церковной и гражданской // *Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских.* Т. 4. Кн. 4. М., 1842. С. 34, 400–401.

²⁰ Об этом памятнике подробнее см.: *Артамонов Ю.А.* Проблема реконструкции древнейшего Жития Антония Печерского // *Средневековая Русь.* Вып. 3. М., 2001. С. 5–81.

²¹ *Шахматов А.А.* Киевопечерский патерик и Печерская летопись. СПб., 1897. С. 10–33.

пространный вариант этого произведения, согласно которому Антоний принял постриг и поселился в пещере ещё при Владимире Святославиче. И, в-третьих, если признать, что первая часть рассказа о двукратном путешествии Антония на Афон (до 1051 г.) и сообщение о пострижении Феодосия в 1032 г. были обнаружены Кассианом в Печерской летописи и восходят к недошедшему ЖА, то открывается другое, не менее серьёзное противоречие: поскольку с 1018/19 по 1051 г. Антоний находился на Афоне, он не мог принять Феодосия в 1032 г.²²

Гипотеза Шахматова о том, что источником даты пострижения Феодосия стало ЖА, получила распространение в историографии, а также попала в краеведческую литературу. При этом, например, курский краевед А.П. Ашихмин, подробно пересказавший мнение Шахматова о происхождении данной даты, объявил учёного её безусловным сторонником, умолчав о том, что Шахматов, взгляды которого по данной проблеме эволюционировали, отнёс в конечном счёте пострижение Феодосия к 1058 г. (подробнее об этом ниже).

Некоторые историки и краеведы приводят в подтверждение известия Кассиановских редакций КПП о пострижении Феодосия в 1032 г. свидетельства поздних летописных сводов: Густынской летописи, Новгородской III летописи. А.Г. Кузьмин утверждал даже, что они «выглядят более достоверными, чем неясные обозначения Жития Феодосия и Начальной летописи»²³. Возражая ему, Ю.А. Артамонов заметил, что «желание исследователя противопоставить данные поздних летописных сводов “неясным обозначениям” древнейших памятников является шагом назад не только в изучении данного вопроса, но и в самом методе исследования летописного материала». Свидетельства поздних летописей (Густынская составлена в 1623–1627 гг., Новгородская III – в начале XVIII в.) в данном вопросе не имеют доказательной силы²⁴.

Подводя итоги полемике вокруг даты пострижения Феодосия, Артамонов систематизировал аргументы, не позволяющие, по его мнению, отнести это событие к 1032 г.: 1) дата пострижения отсутствует в древнейших списках ЖФ; 2) трудно представить, чтобы Нестор, не знавший обстоятельств и подробностей встречи Антония с Феодосием, мог с точностью до года датировать это событие; 3) если Феодосий принял монашество в 1032 г., то сложно объяснить, почему почти 30 лет его иноческой жизни Нестор оставил без внимания; 4) приход Феодосия к Антонию в 1032 г. противоречит как статье 6559 г. ПВЛ, так и самому ЖФ, которые относят возникновение Печерского монастыря к 1050-м гг. «Таким образом, – заключил исследователь, – есть серьёзные основания считать, что дата пострижения Феодосия – плод редакторской работы Кассиана, которая не имеет отношения как к подлинной биографии Феодосия, так и к литературной деятельности Нестора»²⁵. Следовательно, связывать первое упоминание Курска с 1032 г., даже условно, недопустимо.

²² Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского... С. 210. Позднее, как отмечает Ю.А. Артамонов, Шахматов пересмотрел свои взгляды на проблему происхождения некоторых вставок Кассиановских редакций, придя к выводу, что рассказ о двойном путешествии Антония на Афон был придуман Кассианом, чтобы согласовать некоторые рассказы ЖА (возвращение на Русь при Владимире Святославиче, поселение в варяжской пещере) со статьёй 6559 г. ПВЛ (возвращение при Ярославе). При этом Шахматов допустил важную оговорку: Кассиан, по его мнению, руководствовался не самим ЖА (или Печерской летописью), а отрывками из него, которые давали сочинения Симона и Поликарпа.

²³ Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 173–174.

²⁴ Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского... С. 211.

²⁵ Там же. С. 212.

Вставка о пострижении Феодосия в 1032 г. повлекла, судя по всему, и другое изменение первоначального текста ЖФ: указание срока, в течение которого будущий святой пёк просфоры. Отнеся встречу Феодосия с Антонием к 1032 г., Кассиан понимал, что сделал Феодосия старше, поскольку годом рождения Феодосия в этом случае оказался бы 1007-й (в 13 лет он потерял отца и 12 лет пёк просфоры). Это обстоятельство делало старше также «старца» Антония и «пресвитера и черноризца искусного» Никона, которые были старше Феодосия. Сократив срок просфоропечения с 12 до 2 лет, Кассиан «восстанавливал» возрастную разрыв между Феодосием и теми, кто его принимал и постригал. «Сделав Феодосия на десять лет моложе, а монастырь почти на двадцать лет старше, – пишет Артамонов, – Кассиан ликвидировал (как ему казалось) противоречие между сообщением о 40-летней жизни Антония в пещере (статья 6559 г.) и Житием Феодосия»²⁶.

Когда же состоялось пострижение Феодосия на самом деле? К сожалению, источники позволяют определить эту дату лишь приблизительно. По мнению П.С. Казанского, Феодосий пришёл к Антонию ещё при Ярославе Мудром между 1051 и 1054 гг.²⁷ А.М. Кубарев полагал, что Феодосий стал монахом в начале княжения Изяслава Ярославича²⁸. Е.Е. Голубинский и В.А. Чаговец отнесли пострижение Феодосия к 1055/56 г.²⁹

В своей работе «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», вышедшей в свет в 1908 г., А.А. Шахматов высказал предположение, что Феодосий принял монашество 11 января 1058 г.³⁰ Такой вывод учёный сделал, основываясь на построениях Н.В. Шлякова, который полагал, что пострижения совершались по воскресеньям, а монашеские имена давались по дням памяти святых³¹. «Пострижение Феодосия, – писал Шахматов, – судя по данному ему при пострижении имени, случилось 11 января (в день памяти преп. Феодосия Великого. – В.Е., А.Р.); на воскресенье 11 января падало в 1052 и в 1058 гг.»³². Шахматов считал более вероятным, что пострижение состоялось в 1058 г. по двум причинам. Во-первых, судя по статье ПВЛ «чего ради прозвася Печерский монастырь», сам Антоний начал свою подвижническую жизнь не ранее 1051–1052 гг. Во-вторых, по предположению учёного, известие Софийской I летописи под 1057 г. «тогда бысть игумен Феодосий Печерский в Киеве» читалось в протографе иначе: «тгда бысть пострижен Феодосий Печерский».

²⁶ Там же.

²⁷ *Казанский П.С.* Указ. соч. С. 37–39.

²⁸ *Кубарев А.М.* Указ. соч. С. 416–417.

²⁹ *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. 1. М., 1881. С. 476; *Чаговец В.А.* Жизнь и сочинения преподобного Феодосия // Университетские известия (Киев). 1901. Т. 41. № 6. С. 27–28.

³⁰ *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 434.

³¹ «Вскоре после восшествия на престол Изяслава, – писал Н.В. Шляков, – постриглись у прп. Антония прп. друзья Варлаам и Ефрем, что, судя по именам их при пострижении, должно было случиться 19 ноября 1055 г. и 28 января 1056 года, когда дни эти падали на воскресенье: известно ведь, что пострижение совершается по праздникам, а имена давались по дню святого» (*Шляков Н.В.* Восемьсот пятьдесят лет со дня кончины великого князя Ярослава I Мудрого // ЖМНП. 1907. Июнь. С. 371). При этом, в отличие от Шлякова, Шахматов датировал пострижение Варлаама и Ефрема соответственно 19 ноября 1060 г. и 28 января 1061 г. (*Шахматов А.А.* Разыскания... С. 435).

³² *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 434. В отношении 1052 г. в расчётах была допущена ошибка: 11 января этого года (високосного) приходилось на субботу.

Хронологические расчёты А.А. Шахматова убедительно опроверг В.И. Складрук. Он отметил, что имя Феодосий, согласно ЖФ, было дано будущему святому не при пострижении, а на восьмой день жизни священником, который «прозря, еже о нем, яко хочеть измлада Богу датися»³³. Исследователь подчеркнул, что нет оснований полагать, будто этот эпизод носит вымышленный характер: «В тех случаях, когда Нестор не знал мирского имени, он обходился эквивалентом: “некий человек именемъ мирскимъ” – Антоний, “того сынъ”, отрок – Варлаам, “каженикъ нѣкто” – Ефрем»³⁴. Складрук обратил также внимание, что в церковной практике во все времена известны случаи сохранения мирского имени по желанию постригаемого или монастырского начальства, что в канонических церковных правилах нет указания на обязательность пострижения в воскресенье, а монашеское имя не увязывается со святыми, как имя мирское³⁵.

Из ЖФ известно, что Феодосий бежал в Киев в тот момент, когда его мать отсутствовала в Курске: она на протяжении «многих дней» пребывала «на селе», где, по-видимому, осуществляла надзор за сельскохозяйственными работами (посевной или страдой). Таким образом, Феодосий покинул Курск и пришёл после трёхнедельной дороги в Киев не в зимнюю пору, а либо весной, либо осенью. Полагать же, что между его приходом в Киев и пострижением прошло сколько-нибудь значительное время, нельзя, ибо срок испытания (послушничества) ввёл сам Феодосий, уже будучи печерским игуменом³⁶.

После бегства Феодосия из Курска его мать принялась его искать. Поиски продолжались в течение четырёх лет и в итоге увенчались успехом. По мнению Шахматова, встреча Феодосия с матерью в Киеве состоялась в конце 1060 г. Однако это утверждение противоречит указанию ЖФ на четырёхлетний срок поисков беглеца. Если допустить, что Феодосий был пострижен в 1058 г., как считал Шахматов, то его встреча с матерью должна была состояться около 1062 г., а никак не в конце 1060 г. Из ЖФ известно, что мать Феодосия нашла сына ещё в подземном монастыре, который возглавлял в это время Антоний, тогда как игуменству Феодосия (он возглавил обитель не позже 1062 г.) предшествовало игуменство Варлаама³⁷. В логике рассуждений Шахматова, таким образом, обнаруживается явная нестыковка.

С.П. Щавелев считает, что Феодосий появился в Киеве не ранее 1051 г., когда в пещеру, занимаемую ранее Иларионом, ставшим митрополитом, вселился Антоний, и не позднее 1054 г., когда к Антонию после визита к нему за благословением Изяслава Ярославича начала стекаться братия. Феодосий же являлся третьим насельником создаваемого монастыря после самого Антония и Никона, т.е. принял постриг ранее остальных монахов. Наиболее правдоподобной датой принятия Феодосием монашества исследователь полагает 1052 г.³⁸

В ЖФ действительно сказано: «И бѣ видѣти свѣтила три, соуща въ пещерѣ... преподобнаго Антония, и блаженаго Феодосия, и великаго Никона»³⁹.

³³ Имя Феодосий греческого происхождения, относится к двухкомпонентным теофорным именам: Θεός («Бог») + δόσιος («данный») – «Богом данный».

³⁴ Складрук В.И. Указ. соч. С. 319.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 318.

³⁷ Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского... С. 223.

³⁸ Щавелев С.П. Феодосий Печерский – курянин: Историко-археологические очерки. Курск, 2008. С. 18.

³⁹ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 83.

В этом сравнении явно видится символический подтекст. «Поэтому, – замечает Ю.А. Артамонов, – совершенно очевидно, что данные слова агиографа не следует воспринимать как указание на реальное количество людей, окружавших Антония в тот момент, когда рядом с ним уже был Феодосий. Количество монахов в пещере могло быть и значительно больше, что в принципе не противоречит ни рассказу Жития, ни Сказанию о начале Печерского монастыря (статья 6559 г.)»⁴⁰. Важно отметить, что Феодосий пришёл к Антонию, узнав, что тот принимает всех желающих монашествовать без существенных ограничений. Это означает, что у Антония ко времени прихода к нему Феодосия уже были и другие последователи⁴¹. Следовательно, верхняя граница даты пострижения Феодосия не может быть ограничена 1054 г.

Свою хронологию начального этапа существования Печерского монастыря и монашеской жизни Феодосия предложил Ю.А. Артамонов. Около 1061 г. Антоний покинул старую пещеру, в которой жил после 1051 г., и переселился на другой холм⁴². Известно, что поставив вместо себя печерским игуменом Варлаама, Антоний ещё некоторое время продолжал жить на старом месте. Первые монахи стали появляться в пещере Антония после вокняжения Изяслава Ярославича, т.е. после 1054 г. Согласно ЖФ, мать Феодосия встретила сына в Киеве спустя четыре года после его бегства из Курска. В этот момент монастырь оставался ещё пещерным (переселение на поверхность состоялось в 1062 г.) и настоятелем в нём был Антоний. Следовательно, Варлаам стал игуменом не ранее 1058/59 г., а Феодосий мог принять постриг только между 1054 и 1056 гг. Поскольку к моменту прихода Феодосия в Киев молва о том, что Антоний принимает всех желающих монашествовать, успела уже довольно широко распространиться, можно предположить, что Феодосий принял монашество несколько позже 1054 г., вероятнее всего, в 1055 или 1056 г.⁴³

Если признать хронологические расчёты Артамонова справедливыми, получается, что Феодосий родился около 1030 г. (в 13 лет у него умер отец, ещё 12 лет с небольшим он посвятил просфоропечению и церковному служению, а в 1055/56 г. принял постриг). Здесь необходимо упомянуть о двух других версиях времени рождения святого, давно опровергнутых в историографии, но, тем не менее, встречающихся в исторической, краеведческой и справочной литературе до сих пор.

В редакции КПП Иосифа Тризны, относящейся к середине XVII в., в рассказе о приходе к Антонию Феодосия в 1032 г. указан возраст последнего, не отмеченный в более ранних редакциях памятника – 23 года⁴⁴. Логика возникновения этой цифры неизвестна. Вероятно, она появилась вследствие ошибки (описки?), поскольку из ЖФ ясно следует, что святой пришёл в Киев, имея никак не меньше 25 лет от роду (или же в 15–16 лет, если допустить двухлетний срок просфоропечения). Впоследствии указание на 23-летний возраст Феодосия было растиражировано в печатных изданиях КПП и проникло в литературу⁴⁵. На этом основании получила хождение ошибочная версия о рождении святого около 1008 г. Именно эта дата указана, например, в авторитетном «Русском

⁴⁰ Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского... С. 215.

⁴¹ Там же.

⁴² Артамонов Ю.А. Проблема реконструкции... С. 51.

⁴³ Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского... С. 224.

⁴⁴ Абрамович Д.И. Указ. соч. С. 100.

⁴⁵ О приходе Феодосия в Киев в 23-летнем возрасте писал, например, С.И. Ларионов (*Ларионов С.И. Указ. соч. С. 4*).

биографическом словаре»⁴⁶. О рождении Феодосия в 1008 г. безапелляционно утверждается в новейших публикациях некоторых курских краеведов, по инициативе которых в Курске в 2008 г. был установлен памятный знак в честь «1000-летия» со дня рождения святого и 900-летия его канонизации. Исходя из этой даты, они сочли возможным отнести первое упоминание Курска к 1015 г., когда, по их мнению, Феодосий начал учиться грамоте⁴⁷.

В Устюжском летописном своде, составленном в начале XVI в., указано, что Феодосий умер в возрасте 82 лет⁴⁸. Дата его кончины известна доподлинно: 3 мая 1074 г. Если признать свидетельство указанного источника верным, то Феодосий родился около 992 г., а его приезд в Курск состоялся между 992 и 999 гг., так как учиться грамоте на Руси начинали примерно с семилетнего возраста. Именно такого мнения придерживался, например, курский археолог и краевед Ю.А. Липкин⁴⁹. О кончине Феодосия в возрасте 82 лет писал также А.Г. Кузьмин⁵⁰. Однако позднее происхождение Устюжского летописного свода не позволяет отнестись с доверием к имеющимся в нём сообщениям о событиях XI в. Если допустить, что Феодосий родился в 992 г., то ко времени пострижения в середине 1050-х гг. ему было бы уже за 60, что не соответствует всей хронологии ЖФ⁵¹. Если же Феодосий принял монашество в молодости, то как мог Нестор упустить из виду несколько десятилетий праведной жизни своего героя? Кроме того, почтенный возраст Феодосия никак не увязывается с возрастом его современников. Так, Никон, который был старше Феодосия, пережил его на 14 лет. Получается тогда, что умер он в возрасте свыше 100 лет. «Такое редкое долгожительство, – отмечает В.И. Склярчук, – могли бы заметить: это касалось памяти высокочтимого человека»⁵². Таким образом, сообщение Устюжского летописного свода нельзя признать достоверным. Склярчук обратил внимание на то, что две последние цифры года кончины Феодосия (6582) и его возраст (82) в летописной статье совпадают. При переписке текста запись могла оказаться усечённой и принять такой вид: «в лета 82 преставился». В таком случае дату смерти легко можно было принять за срок жизни⁵³.

⁴⁶ Русский биографический словарь. Т. Яблоновский-Фомин. СПб., 1913. С. 361. Оттуда эта дата перекочевала, в частности, и в «Большую Советскую энциклопедию».

⁴⁷ Ашихмин А.П., Ильина З.Д. Указ. соч. С. 23–24. В качестве дополнительного «аргумента» версии о рождении Феодосия в 1008 г. курские краеведы приводят факт канонизации печерского игумена в 1108 г. По их мнению, это событие было приурочено к 100-летию со дня рождения святого (Пахомов Н.Д., Пахомова А.Н. Указ. соч. С. 87). Однако это утверждение не может быть принято. И в Киевской, и в Московской Руси традиции отмечать юбилеи со дня рождения не существовало, она получила распространение только в Российской империи.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 28, 67.

⁴⁹ Александров-Липкин Ю.А. Далёкое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971. С. 104. Указание автора на 84-летний возраст Феодосия является, по-видимому, опечаткой.

⁵⁰ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 241.

⁵¹ Важно подчеркнуть, что в ЖФ отсутствуют какие-либо указания на преклонный возраст Феодосия. Между тем «старость глубокая» по представлениям, существовавшим в Древней Руси, наступала уже после достижения 50 лет. А.С. Усачёв отмечает: «В произведениях житийной литературы “старость” и связанная с ней “немошь” выступают как неотъемлемые черты едва ли не всех русских святых. Как известно, смерть святого в “старости” являлась отличительной чертой целого ряда памятников русской средневековой агиографии... почтенный возраст, а также связанная с ним “немошь” представлены как важные атрибуты святости большинства подвижников (прежде всего, преподобных)» (Усачёв А.С. «Старость глубокая» в XIV–XVI вв.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1(55). С. 62).

⁵² Склярчук В.И. Указ. соч. С. 323.

⁵³ Там же.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что приезд Феодосия в Курск, который послужил поводом для первого упоминания этого города в письменности, приходится на 1030-е гг. Есть ли возможность определить хронологию этого события более точно?

Как указывалось выше, родители святого переселились в Курск по приказанию князя. С 1024 г. земли на Правобережье, где расположен Василёв, находились под властью киевского князя Ярослава Мудрого, а на Левобережье, где расположен Курск, – его брата, черниговского князя Мстислава. Раздел Руси по Днепру стал следствием ожесточённой войны между братьями, кульминацией которой явилась битва при Листвене. До смерти Мстислава, случившейся в 1036 г. (по Лаврентьевской летописи), Ярослав едва ли мог послать своего доверенного человека на постоянное жительство во владения Мстислава⁵⁴. После же кончины последнего у киевского князя, приступившего к восстановлению своей власти на Левобережье, в такой посылке возникла насущная потребность. Надо думать, что отец Феодосия, принадлежавший к привилегированному слою общества, был отправлен в Курск со специальной миссией. Всё это, по мнению А.К. Зайцева, указывает на то, что семья Феодосия не могла прибыть в Курск ранее 1036 г.⁵⁵ К такому же выводу пришёл В.И. Складрук⁵⁶. Указанные авторы полагают, что первое упоминание древнерусского Курска в письменности условно можно приурочить к 1036 г.

Данное положение попытался оспорить С.П. Щавелев. Он предположил, что Феодосий стал монахом в 1052 г., следовательно, родился около 1027 г., а прибыл в Курск, вероятнее всего, в 1034 г. Раздел Руси по Днепру, по его мнению, носил сугубо «формальный» характер и не являлся препятствием для посылки киевским князем своего человека во владения брата. Более того, исследователь допускает, что Ярослав и Мстислав регулярно обменивались своими личными представителями, одним из которых был отец Феодосия⁵⁷. Не отрицая в принципе такую возможность, отметим, что версия о переезде родителей святого в 1036 г. или некоторое время спустя выглядит значительно более правдоподобной и аргументированной.

Подводя итог рассмотрению вопроса о времени первого упоминания Курска, важно подчеркнуть, что ЖФ не может дать даже приблизительного ответа о том, когда он был основан. Из текста ЖФ следует, что Курск в 1030-х – первой половине 1050-х гг. являлся вполне сложившимся городом со всей сопутствующей «инфраструктурой». Его размеры уже тогда были весьма значительны. Не случайно мать Феодосия потратила не один день на поиски в нём сына, ушедшего из дома.

Историография вопроса о возникновении Курска имеет более чем двухсот-летнюю историю, хотя в большинстве случаев предложенные решения носили

⁵⁴ То обстоятельство, что отец Феодосия отправился на жительство в Курск вместе с семьёй и с малолетним ребёнком, не позволяет считать его миссию краткосрочной дипломатической поездкой.

⁵⁵ *Зайцев А.К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 70. Об этом же идёт речь в подготовленном А.К. Зайцевым в 1982 г. официальном ответе на запрос в Академию наук СССР о времени основания Курска (см.: О Курске и преподобном Феодосии Печерском. С. 30).

⁵⁶ *Складрук В.И.* Указ. соч. С. 320.

⁵⁷ *Щавелев С.П.* Феодосий Печерский... С. 23–24. Автор обратил внимание, что в Ипатьевской летописи смерть Мстислава записана под 1034 г., поэтому при указании этого события корректнее использовать двойную дату.

характер предположений. Наличие упоминаний о Курске в ЖФ послужило причиной того, что древнее происхождение города никогда не ставилось под сомнение, но оценки времени и обстоятельств его основания различались.

Один из первых исследователей Курского края И.Ф. Башилов в 1785 г. так писал о времени возникновения города: «О начале его, когда и на какой случай построен? За разными в течении давняго времени последовавшими перемена-ми, верного доказательства сыскать неможно. А что он древний город и имел в себе княжение, то видно из записок... что в 1125 году князь киевский Мстислав Владимирович сыну своему Изьяславу дал в удел город Курск (чему 660 лет), а построен оной был уповательно прежде, чему доказательство история преподобнаго Феодосия, Печерскаго чудотворца»⁵⁸. И.Ф. Башилов возразил против бытовавшего в XVIII в. мнения о том, что Курск в древности располагался на месте Ратского городища: «А по настоящему ево имени утвердительнее верить можно, что он и тогда был на сем месте, на котором ныне существует, потому что имя ево Курск соответствует имени реки Кура, в середине города протекающей»⁵⁹.

С.И. Ларионов считал, что приезд Феодосия в Курск состоялся лет за 15 до 1032 г., а строительство города следует отнести примерно к 990 г.⁶⁰ Автор «Географического словаря Российского государства» А.М. Щекатов почти дословно повторил эту же версию, однако в итоге сделал неожиданный вывод о том, что Курск был «достоверно построен... вятичами, первобытными сея страны жителями» во времена до IX столетия⁶¹. Н.П. Барсов, ссылаясь на ЖФ, констатировал, что Курск существовал в первой половине XI в.⁶² П.В. Голубовский относил возникновение Курска «к весьма отдалённой эпохе»⁶³, а В.Г. Ляскоронский со ссылкой на ЖФ полагал, что город уже существовал в X⁶⁴ или XI в.⁶⁵ И.М. Ивакин синхронизировал начальную историю Курска со сведениями ЖФ, считая, что жизнедеятельность города относится по крайней мере к княжению Ярослава⁶⁶. Д.Я. Самоквасов полагал, что «Курск несомненно новый город, возникший в христианскую эпоху». Основанием для подобного

⁵⁸ Башилов И.Ф. Указ. соч. Л. 20.

⁵⁹ Там же. Л. 20 об.

⁶⁰ Ларионов С.И. Указ. соч. С. 4, 5. Мнение об основании Курска в конце X в. неоднократно приводилось в историко-краеведческой литературе (см., например: *Робуш С.* Исторические сведения о Курске и его губернии // Курские губернские ведомости. 1849. № 11. Отд. 2. Часть неофициальная. С. 87–88; [Вержбицкий Т.И.] Краткий очерк Курской губернии: (Материалы для описания Курского края) // Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, 1892. Отд. 2. С. 7; Самсонов В.И. Прошлое старых городов Курской области // Прошлое Курской области. Курск, 1940. С. 20). При этом А.М. Головащенко ещё в середине XIX в. справедливо заметил, что основание Курска не следует связывать с известием ПВЛ под 6436 г. о строительстве городов Владимиром Святославичем, так как в данном случае не упоминается Посемье, где расположен Курск (Головащенко А.М. Исторический очерк Курской губернии // Курские губернские ведомости. 1854. № 25. Часть неофициальная. С. 230).

⁶¹ Щекатов А.М. Словарь географический Российского государства... Ч. 3. М., 1804. Стб. 1006, 1007. Эта же версия была повторена позднее и в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (Т. 17. С. 164).

⁶² Барсов Н.П. Географический словарь Русской земли: (IX–XIV ст.). Вильна, 1865. С. 109, 110.

⁶³ Голубовский П.В. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1881. С. 13, 14.

⁶⁴ Ляскоронский В.Г. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897. С. 258.

⁶⁵ Ляскоронский В.Г. Очерк внутреннего быта Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII ст. Киев, 1906. С. 51.

⁶⁶ Ивакин И.М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. Поучение детям. Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901. С. 145.

утверждения послужило отсутствие в городе и его ближайших окрестностях каких-либо «признаков языческой древности», в частности, курганов⁶⁷. Вслед за Самоквасовым отрицал существование в Курске городища и курганов «языческого времени» Г.И. Булгаков. Он считал, что «Курск по своему возникновению является одним из великокняжеских городов христианского времени, начало которым положило распоряжение князя Владимира Святославича»⁶⁸. Ю.А. Липкинг, используя крайне ограниченные на тот момент данные археологии, предположил, что укрепленное поселение роменского типа на месте Курска существовало уже в VIII – начале IX в. К середине X в. Курск превратился в настоящий город – «населенный пункт с преобладающим ремесленным и торговым населением»⁶⁹.

В советской историографии точка зрения о бесспорном существовании Курска во времена Ярослава нашла своё отражение в работе А.К. Зайцева по истории Черниговской земли X–XIII вв., в которой заметное место занимают курские сюжеты⁷⁰. Получает дальнейшее развитие подход к решению вопроса, в основе которого – попытки рассчитать протяжённость периода между возникновением Курска и моментом приезда в него семьи Феодосия. Так, по мнению Г.Н. Анпилогова, Курск был основан около 982–983 гг., вскоре после похода в 981 г. Владимира Святославича на вятичей⁷¹.

Недавно С.П. Щавелев этот период заметно сократил: согласно его построениям, город возник во времена Мстислава в середине 1020-х гг.⁷² Он предположил, что Феодосий приехал в Курск в начале 1030-х гг., а строительство города отделялось от этого момента 5–10 годами с оговоркой «как минимум». Правда, обоснование такого временного отрезка изначально отсутствует, однако в своих рассуждениях автор приходит к мысли о том, что середина 1020-х гг. по сложившейся исторической обстановке вполне соответствует условиям «рождения» города. Объединение «Север», поддерживавшее Мстислава в битве у Листвена в 1024 г., вплоть до этого времени оставалось практически независимым. В результате деятельности князя происходило «превращение Курска из роменского центра в древнерусский» (выделено нами. – В.Е., А.Р.)⁷³.

Если опустить рассуждения общего характера, во главу угла гипотезы Щавелева помещена проблема сущности финала роменской археологической культуры и его хронологии, которая, однако, практически не рассматривается. Роменское население, за исключением группировки в Поочье, уже традиционно и, редкий случай, бесспорно соотносится с северянами русских летописей. В пределах Северской земли особый интерес для нас представляет известное по летописным сообщениям XII в. «Посемье», занимавшее курское течение «Семи»–Сейма и

⁶⁷ Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908. С. 40–41.

⁶⁸ Булгаков Г.И. Курск в прошлом (10–18 вв.) // Известия Курского губернского общества краеведения. 1927. № 1/2. С. 38–39.

⁶⁹ Александров-Липкинг Ю.А. Указ соч. С. 101–102.

⁷⁰ Зайцев А.К. Указ. соч. С. 69, 70.

⁷¹ Анпилогов Г.Н. О городе Курске в X–XVI вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1979. № 5. С. 43–46.

⁷² Щавелев С.П. Мстислав Лютый – основатель житийно-летописного города Курска: (К вопросу о славянских, варяжских, касожских участниках строительства Древнерусской державы) // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави IX–XI ст.): Матеріали Міжнар. польового археол. семінару (Чернігів-Шестовиця, 20–23 липня 2006 р.). Чернігів, 2006. С. 227–231.

⁷³ Там же. С. 231.

верховья Псла примерно до современных Сум⁷⁴. Однако это понятие отражает сформировавшуюся гораздо ранее, как минимум в X в., область северян, которая выделялась рядом признаков, свидетельствующих о высокой степени динамичности её развития⁷⁵. «Семечи» или «семцы», являясь одной из фракций северян⁷⁶, судя по всему, постепенно заняли лидирующие позиции в экономическом и социально-политическом развитии всего племенного объединения.

Наиболее распространённой является точка зрения о финале культуры в конце X – начале XI в.⁷⁷ Высказывались мнения и о том, что поздний период развития роменцев длился до первой половины XI в.⁷⁸ А.А. Узянов считал, что заключительный этап роменской культуры приходится на последнюю четверть X – первую четверть XI в.⁷⁹ По А.В. Григорьеву, финал культуры растянулся до первой половины XI в. или, даже точнее: «разорение Северной земли (Русью. – В.Е., Л.Р.) произошло вскоре после смерти Мстислава в 1034 или 1036 гг.»⁸⁰. Однако специальные исследования показали, что предложенные аргументы не дают оснований для омоложения верхней границы роменской культуры⁸¹. Кроме того, это противоречило бы начальной хронологии древне-

⁷⁴ Зайцев А.К. Указ. соч. С. 95, 96.

⁷⁵ См.: Енуков В.В. О содержании летописного термина «Посемье» // Проблемы истории и археологии Украины: К 140-летию со дня рождения Дмитрия Ивановича Багалая: Тезисы докладов научной конференции. Харьков, 1997. С. 74–75; *он же*. Посемье и семичи (по данным письменных, археологических и нумизматических источников) // Очерки феодальной России. Вып. 6. М., 2002. С. 3–46; *он же*. Славяне до Рюриковичей. Курский край. Т. 3. Курск, 2005. С. 200–257.

⁷⁶ См.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 263–264; Горский А.А. О переходном периоде от доклассового общества к феодализму у восточных славян // Советская археология. 1988. № 2. С. 120–129; Енуков В.В. Феномен средневекового социума «Посемье» в свете последних исследований // Учёные записки Курского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2004. № 1. С. 229–241.

⁷⁷ См.: Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.): историко-археологические очерки // Материалы и исследования по археологии СССР. 1968. № 152. С. 57; Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и её предшественники). Киев, 1975. С. 85, 86; Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 136.

⁷⁸ Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 306, 307.

⁷⁹ См.: Узянов А.А. Динамика заселения долины реки Тускарь: (Диахронный анализ приуроченности поселений к различным этапам природных геосистем) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье: (Материалы совещания 25–26 января 1983 г.). М., 1985. С. 81; *он же*. Хронология и хорология роменских поселений: (Новые данные о памятниках верховьев Сейма и Псла) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.). М., 1987. С. 256; *он же*. Специфика урбанизационного процесса в условиях пограничных зон в раннем средневековье: (К проблеме дифференцированного подхода к уровням и формам процесса) // Методические проблемы исследования становления и развития древнего города. М., 1991. С. 152; *он же*. Освоение среднерусской возвышенности славянами в раннем средневековье // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993. С. 89.

⁸⁰ См.: Григорьев А.В., Сарачев И.Г. О времени гибели роменской культуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 5: История и культура древних и средневековых славян. М., 1999. С. 349; Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000. С. 52, 220.

⁸¹ См.: Енуков В.В. Роменское население Посемья в древнерусское время // Археология Юго-Востока Руси: Материалы IV научной конференции, 23–25 мая 2005 г. Елец, 2006. С. 78–108; *он же*. Липинские курганы в контексте вопроса о «роменских ингумациях» // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья: Материалы конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола. Курск, 2008. С. 39–69; *он же*. Возникновение древнерусского Курска в контексте историков археолого-нумизматических реалий региона // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи: Сборник научных трудов. Воронеж, 2008. С. 129–134.

русской культуры, которая во многом определяется по материалам курганных кладбищ, обладающим более высокими, нежели поселения, датирующими потенциями. На территории бывшего племенного Посемья первые захоронения в курганах Гочева, Горналя, Зеленого Гая были совершены в пределах конца X – начала XI в.⁸² В одном случае имеется более точная дата: в погребении древнерусского кургана 70 группы 1 около д. Липино, расположенной на Сейме, сравнительно недалеко от Курска, присутствовала редчайшая находка: сребреник Владимира самого раннего типа 1. Эти монеты чеканились в 988–990 гг., причём быстро археологизировались⁸³, что позволяет датировать комплекс 990-ми гг. Таким образом, если связывать возникновение Курска с включением «племенных» северских земель в состав Руси, что археологически соответствует смене роменской культуры древнерусской, то его «рождение» должно укладываться в рамки указанного периода. Не возникает особых сомнений и в характере смены роменской культуры древнерусской. Практически все исследованные позднероменские поселения несут следы пожаров. Принципиально меняется система расселения. По нашим подсчётам, из 59 городищ Посемья только на 33 в последующем присутствуют древнерусские материалы, причём в случаях, когда предпринимались специальные исследования, фортификации были возведены не ранее конца XI – начала XII в. (Ратское, Липино, Капыстичи). На смену многочисленным мелким «хуторам», формирующим округи городищ, приходили в основном крупные, с хаотичной застройкой селища, количество которых заметно уменьшалось – 114 против 258. В погребальной обрядности происходит резкий переход от кремаций к ингумациям, получают самое широкое распространение новые домостроительные схемы. Эти факты свидетельствуют о переломном характере переходного периода, наступившего в результате насильственных действий.

Напластования роменского времени в историческом ядре города до сих пор не выявлены. Это тем более удивительно, что в курской округе, отличающейся самой большой не только в Северной земле, но и в Посемье, концентрацией памятников (181, из них 14 городищ) и монетных кладов, есть все основания для поисков племенного центра, причём методом исключения единственным «претендентом на это звание» является Курск⁸⁴. Не исключено, что открытие «Первокурска» ещё впереди, однако, вполне вероятно, роменские напластования полностью уничтожены крайне плотной застройкой, которая велась на протяжении последних столетий на большей части городища.

Тем не менее в самых ранних сооружениях Курска наряду с древнерусской круговой посудой присутствует типично роменская лепная керамика, но её доля несравненно меньше, нежели в комплексах, погибших в пожарах позднероменских памятников. В Курске такая примесь исчезала достаточно быстро, однако

⁸² См.: *Седов В.В.* Указ. соч. С. 139; *Моця А.П.* Некоторые сведения о распространении христианства на юге Руси по данным погребального обряда // *Обряды и верования древнего населения Украины: Сборник научных трудов.* Киев, 1990. С. 119; *Шинаков Е.А.* «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII в. (этнокультурный аспект) // *Археология славянского Юго-Востока: Материалы к межвузовской научной конференции.* Воронеж, 1991. С. 90, 91; *Сухобоков О.В.* Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ, 1992. С. 174–176.

⁸³ *Сотникова М.П., Спаский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983. С. 81; *Равдина Т.В.* Погребения с древнерусскими монетами // *Советская археология.* 1979. № 3. С. 101.

⁸⁴ См.: *Енуков В.В.* Славяне до Рюриковичей... С. 225–240.

на периферийных поселениях в крайне небольших количествах встречалось вплоть до предмонгольского времени. Известна такая керамика и в ингумациях с типично древнерусской обрядностью, причём не только в Посемье, но и в пределах всей Северской земли⁸⁵. Трактовать это явление, на наш взгляд, можно однозначно: в формировании населения новой административно-территориальной единицы наряду с переселенцами из разных областей Руси, в первую очередь Среднего Поднепровья⁸⁶, принимали участие и остатки абorigенов, долгое время сохранявшие «историческую память» о своём особом происхождении.

В Курске древнерусские напластования начальной поры были обнаружены на территории северной окраины городища, где не выявлены следы населения роменского времени. Особый интерес представляет раскоп 3 на месте строительства в 1999 г. новодельной северной колокольни Знаменского собора. В основании культурного слоя прослеживалась толстая прослойка коричневого цвета – щепы, которая фиксирует бурную строительную деятельность, сопутствующую «рождению» города. Древнейшие сооружения, которые выделяются по киеворусской круговой керамике ранних типов с примесью роменской посуды, датируются концом X – началом XI в. Синхронные объекты были открыты и севернее (раскопы 5, 6), на месте строительства нового корпуса дома 2/4 по Красной площади, что подтверждается не только керамикой, но и находками предметов с «узкой» хронологией⁸⁷. В сгоревших руинах одного из них, представлявших собой крупное трёхкамерное жилое сооружение срубной конструкции, были найдены останки погибшей в пожаре девочки с перстнеобразными височными кольцами – обычными древнерусскими украшениями⁸⁸.

Особую значимость имеет хронология фортификаций Курска, которые являются неперенным атрибутом древнерусского города. Впервые они были открыты раскопами 1 и 2 на ул. Сонины на северо-восточном участке городища. От них сохранилось основание идущего по краю искусственного рва частокола, состоящего из расколотых пополам крупных, диаметром до полуметра, брёвен, что конструктивно напоминает хорошо известные роменцам Посемья косые остроги⁸⁹. Если это так, то с внутренней стороны частокола должен был располагаться земляной вал, на который опирался настил боевого хода. Однако от его насыпи ничего не сохранилось ввиду несколько более поздних нивелировочных работ, в ходе которых укрепления были перенесены севернее. В свою очередь это существенно затруднило датировку фортификаций, которую оказалось возможным провести только на основе находок, встреченных в настилах деревянных мостовых, идущих по дну рва и сооружённых позднее возведения частокола. В результате в первоначальной публикации был сделан вывод о возведении укреплений где-то в середине XI в.⁹⁰

⁸⁵ Енуков В.В. Роменское население... С. 82–86; он же. Липинские курганы... С. 39–69.

⁸⁶ Шинаков Е.А. Указ. соч. С. 82–93; Енуков В.В. История Посемья – Курской волости на рубеже эпох (IX–XI века): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2007. С. 32, 33.

⁸⁷ См.: Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей... С. 289–293. Рис. 58, 59.

⁸⁸ Енукова О.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск, 2007. С. 71–73. Рис. 86.

⁸⁹ Подробнее см.: Енуков В.В. О косых острогах северян Посемья // Российская археология. 2011. № 4. С. 89–101.

⁹⁰ Енуков В.В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998. С. 84–89. Рис. 2–5.

Однако позднее появилась возможность уточнить данную хронологию. Поводом к этому стало открытие укреплений на северо-западе городища (раскопы 5, 6). Сохранность этого участка была принципиально иной: в отличие от предыдущего, от фортификаций остался вал, который шёл по краю древнего оврага, использованного в качестве рва. Напластования вала относятся к двум строительным периодам, первый из которых датируется концом X – началом XI в., второй – первой половиной XI в.⁹¹ Отсутствие в слоях первого периода следов деревянных конструкций указывает на то, что насыпь использовалась, вероятнее всего, в качестве опоры для настила – конструктивного элемента косога острога. Поиски остатков частокола в данном случае были невозможны, так как внешнее подножие вала было уничтожено при возведении тына укреплений московского времени.

Открытые компоненты фортификаций на северо-восточном и северо-западном участках Курского городища соответствуют одной и той же конструктивной схеме косога острога и, вероятнее всего, составляют единое целое. Дополнительным аргументом в пользу их самого раннего характера является тот факт, что они хорошо известны на территории региона в предшествующее время. Это лишний раз подтверждает участие в строительстве Курска населения племенной эпохи.

В то же время использование роменских строительных схем в ранних фортификациях Курска послужило основанием для отрицания их отнесения к древнерусской поре. По мнению С.П. Щавелева, «раскопанные В.В. Енуковым укрепления рубежа X–XI вв. могли быть сооружены вовсе не победителями-русью, а местными жителями под угрозой со стороны последней. Тем более что конструкция этих укреплений вполне в роменских традициях». Археологическая аргументация этого тезиса отсутствует. Подкрепить решение вопроса призваны рассуждения о том, что «киевские инженеры и военные» не могли так быстро переучиться или доверить столь важное дело местным мастерам, а также отказаться от «повсеместных на покорённых... огромных территориях строительных традиций»⁹².

Согласиться с предложенными утверждениями сложно. Начнём с того, что никакого «повсеместного» строительства укреплённых центров в конце X – начале XI в. на территории Северской земли неизвестно, поэтому использование «киевских традиций» установить невозможно. Факт отсутствия крепостей, вероятно, объясняется внутри- и внешнеполитическими причинами⁹³. В этом смысле пример фортификаций Курска выглядит в определённой мере исключением, что вряд ли было случайно. Город сразу возникает как крупнейший на покорённых землях центр: его укрепленная площадь доходила до 8 га. Это в четыре раза больше, чем самые крупные из роменских городищ, которые, в свою очередь, являются крайне редкими. На территории, примыкающей к внутренней стороне укреплений, известны исключительно древнерусские сооружения. Особенно это показательно на северо-западном участке городища, площадка, которая исследована примерно на

⁹¹ Енуков В.В. Топография укреплений Курского городища в древнерусское время // Исторический вестник Курского государственного университета. 2010. № 1. С. 6–9. Рис. 3.

⁹² Щавелев С.П. Возраст житийно-летописного города Курска // Российское государство: истоки, современность, перспективы: Материалы международной историко-патриотической научной конференции, Липецк, 8 июня 2012 г. Ч. 1. Липецк, 2012. С. 47.

⁹³ Енуков В.В. Князь Мстислав Владимирович и Курская волость // Актуальные проблемы научного творчества кафедры истории России: Сборник научных статей. Вып. 4. Курск, 2007. С. 7, 8.

100 м по направлению к центру. Абсолютно непонятно, почему северяне «под угрозой» со стороны Руси возводят беспримерно колоссальные по роменским меркам укрепления, которые охватывают значительную неосвоенную площадь. Последний факт выглядит тем более удивительным, если учесть высокую плотность застройки роменских городищ.

Таким образом, Курск возник в переломный период смены роменской древнерусской культуры в конце X – начале XI в., что с позиций исторического процесса отражает захват Русью племенной территории северян. В свою очередь, отчётливые следы участия в «рождении» Курска «семцев» наряду с «русскими» переселенцами позволяют полагать, что временной зазор между их разгромом и возникновением города был минимальным, если вообще был.

В результате фактически мы возвращаемся к вопросу о хронологической грани, отделяющей роменскую культуру от древнерусской, которую позволяют уточнить данные нумизматики. В Северной земле известно 32 клада арабских монет. Показательна их топография: 20 кладов обнаружено на небольшом участке северянской территории по курскому течению Сейма с притоками, причём 11 – в ближайшей округе Курска, а 3 – в пределах самого города⁹⁴. Аналоги столь высокой концентрации монетных комплексов на территории восточноевропейской лесостепи отсутствуют. В связи с этим неслучайным выглядит вывод о том, что Посемье в X в. представляло собой перевалочную базу в системе поступления дирхемов, снабжая ими Русь с центром в Киеве⁹⁵.

Рассмотрим динамику тезаврации кладов северян X в. Комплексы с младшими монетами чекана 910–960-х гг. выпадали в среднем по 2–3 в десятилетие, что можно условно расценивать как «естественный фон». Однако количество кладов с монетами 970-х гг. возрастает до 7, и в подавляющем большинстве случаев их хронология близка середине этого десятилетия (Волобуево, середина 970-х гг.; Красниково 1-е, середина 970-х гг.; Жидеевка, 975 г.; Воробьёвка 2-я, 976 г.; Коренная пустынь, 976 г.; Ратманово, 977 г.). Неслучайность этого пика подтверждается отсутствием кладов в дальнейшем, за исключением небольшого комплекса с Кудеяровой горы (младшие монеты самого конца 980-х гг.).

Массовая тезаврация кладов зачастую свидетельствует о социальном катаклизме, в результате которого они оказываются невостребованными. Необходимо, однако, учитывать, что между чеканкой младшей монеты комплекса и

⁹⁴ Использованные здесь и далее нумизматические сведения статистического и хронологического характера содержатся в следующих работах: Янин В.Л. Денежно-весовые системы русско-средневековья. Домонгольский период. М., 1956; Кротошкин В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. Т. 9. М., 1971. С. 76–98; Фомина А.В. Топография куфических монет междуречья Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: Сборник научных трудов. Киев, 1988. С. 77; *он же*. Древнерусские денежно-монетные рынки в 70–80-х годах X в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 63–73; Андрущук Ф.А., Зоценко В.Н. О времени и обстоятельствах появления норманнов в междуречье Днепра и Десны // Русский сборник: Сборник научных трудов, посвящённый 25-летию исторического факультета Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. Брянск, 2002. С. 4–13; Енуков В.В., Лебедев В.П. Волобуевский клад куфических дирхемов X в. из Курского Посемья // Российская археология. 2010. № 1. С. 94–103; *они же*. Клад дирхемов с городища Кудеярова Гора // Stratum plus. 2011. № 6. С. 49–58; Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013; Енуков В.В., Енукова О.Н., Лебедев В.П. Шуклинский клад дирхемов X в. и его археологический контекст // Путиями средневековых монет: Сборник научных статей памяти А.В. Фомина. М., 2014 (в печати); Лебедев В.П., Колода В.В., Енуков В.В. Безлюдовский клад 1930 г.: типология, метрология, граффити // Труды Государственного Эрмитажа. 2014 (в печати).

⁹⁵ См.: Фомина А.В. Топография... С. 77; Андрущук Ф.А., Зоценко В.Н. Указ. соч. С. 8.

выпадением его в землю проходил определённый промежуток времени. Такая поправка, условно названная «неревской», составляла примерно 10–20 лет⁹⁶. Таким образом, потрясения, перенесённые северянами, реально имели место в середине 80-х – середине 90-х гг. X в. Выделенная финальная группа кладов обладает и топографической особенностью: все они располагаются по курскому течению Сейма с притоками, из них два – на Свапе и пять – в ближайшей округе Курска. Такая картина даёт основания предположить, что выпадение кладов является следствием гибели роменской культуры, по крайней мере, в Посемье, причём основной удар Руси был направлен в район Курска.

К западу от Северной земли известно заметно меньше кладов, и динамика их тезаврации иная: один, реже – два в десятилетие. На этом фоне выделяется пик их выпадения: комплексов с младшими монетами, чеканенными в первой половине 950-х гг., известно семь, причём почти все они приходятся на территорию к северу от черниговского течения Десны. После этого следует 20-летний бескладовый период, по окончании которого на русских землях опять фиксируются клады: Любеч (976), Старый Дедин (979), Новозыбковский (980), Медведово (982), Рудки (990). Легко заметить, что самый ранний из числа «западных» кладов, попавших в землю после значительного перерыва, – Любечский, синхронен поздним «курским». Другими словами, имеются основания связывать окончание бескладового периода с деятельностью Киева.

Итак, с учётом «неревской» поправки северяне в пределах середины 60-х – середины 70-х гг. X в. перестают пропускать серебро на запад, хотя на их территорию монеты продолжали поступать. Но каковы были причины этой акции? Хронология начала бескладового периода совпадает со временем правления Святослава Игоревича, который в 964 г., а возможно, и в 966 г., ходил на вятичей, при этом неминуемо должен был пройти через земли северян. Очень осторожно можно предположить, что с деятельностью Святослава каким-то образом была связана и массовая тезаврация кладов к северу от Десны, хотя объяснение этого явления выходит за рамки работы. В любом случае маршрут Святослава вряд ли пролегал через Посемье: этому противоречит хронология поздних «курских» кладов. Вероятнее всего, он шёл по пути полюдья либо по Десне, либо по Снову (территория Сновской тысячи), переходя по притокам на Оку⁹⁷. В эту схему укладывается и гибель роменского поселения на месте Новгорода-Северского, которая предположительно связывается его исследователями с деятельностью Святослава⁹⁸. Версия о конфликте между Русью и северянами имеет и другие археологические подтверждения: в Подесенье и на Суле отмечаются своего рода «зоны противостояния», фиксируемые по расположению роменских и древнерусских памятников⁹⁹.

⁹⁶ Енуков В.В., Лебедев В.П. Указ. соч. С. 99, 100.

⁹⁷ См.: Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 307; Григорьев А.В. Северская земля... С. 209, 210. Рис. 57.

⁹⁸ Куза А.В., Коваленко В.П., Моця А.П. Новгород-Северский: некоторые итоги и перспективы исследований // На юго-востоке Руси: Историко-археологическое исследование. Воронеж, 1996. С. 5.

⁹⁹ См.: Григорьев А.В. О границе Руси и Севера в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова: Матеріали іст.-археол. семінару, присв. 150-річчю від народження Д.Я. Самоквасова. Чернігів, 1993. С. 34–49; Шинаков Е.А. Дружинная культура и русско-северянское противостояние в Брянском Подесенье (рубеж X–XI вв.) // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя: Тез. доповідей міжнар. конф. у м. Славутичі (5–6 жовтня 1994 р.). Київ, 1994. С. 41–46; Моргунов Ю.Ю. Посульская граница: этапы формирования и развития. Курск, 1998. С. 34, 35. Рис. 7.

Предполагаемый конфликт, судя по хронологии поздних «курских» кладов, был разрешён Владимиром Святославичем. В указанный период в летописях сообщается о пяти походах восточной направленности, которые могли пройти через Посемье, из них два – на вятичей (981, 982) и три – на Волжскую Булгарию (985, 994 и 997). Сведения о походах 994 и 997 гг. содержатся только в Никоновской летописи и традиционно считаются недостоверными. Детально исследовавший её Б.М. Клосс приводит статью 997 г. в качестве примера поздней вставки¹⁰⁰. Военные кампании 981 и 982 гг., хотя и близки нумизматической хронологии, однако, выпадают из неё.

Особое внимание совпадением с нумизматическими реалиями привлекает поход Владимира 985 г. на Волжскую Булгарию. В летописях эта кампания, в отличие от других, описана заметно подробнее. В частности, важным является указание на то, что княжеское войско состояло из двух частей: «речной» во главе с самим князем, передвигавшейся «на лодьях», и сухопутной, состоящей из конных торков¹⁰¹. Естественно, Владимир мог использовать и старый, проторённый путь, двигаясь по маршруту полюдья. Однако отметим, что движение по Сейму было гораздо удобнее ввиду того, что эта водная артерия через притоки Тускарь и Снову смыкалась с Окой, обеспечивая практически безволоковый переход между двумя крупнейшими гидросистемами Восточной Европы – Днепровской и Волжской¹⁰². К этой связке вплотную подходил и исток крупнейшего правого притока Сейма – Свапы. Кстати сказать, два из семи поздних «курских» кладов были обнаружены как раз в верхнем течении этой реки (Жидеевка, 975 г., Ратманово, 977 г.)¹⁰³.

Реальность именно такого маршрута с нанесением основного удара по округе Курска имеет ещё одно косвенное подтверждение. В южной части Посемья, по верхнему Пслу, кладов поздней группы неизвестно, что вполне понятно, если принять версию движения Владимира по Сейму с возможным проходом какого-то отряда по Свапе. Но, в таком случае, сухопутная часть войска двигалась примерно по водоразделу Сейма и Псла, повторяя маршрут караванов древнерусского времени из Киева в Булгар¹⁰⁴, так как в прямом смысле «берегом» вдоль водных трасс двигаться оказалось просто невозможно. Следовательно,

¹⁰⁰ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. // ПСРЛ. Т. 14. М., 2000. С. 101.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 84; Т. 2. М., 1998. Стб. 71.

¹⁰² См.: Орлов А.А. Истоки рек Оки, Свапы, Сновы и Сновки // Труды Курской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 1. Курск, 1911. С. 134–136. Недавние натурные обследования истоков этих рек значительно уточнили историко-географическую ситуацию (см.: Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей... С. 147, 148, 155, 156).

¹⁰³ Параллельно с изысканиями одного из авторов статьи к мысли о связи нумизматических материалов с политической историей региона пришёл А.Г. Шпилёв. Имеются различия как в подходах к источникам, так и в интерпретации событий, однако исследователь делает близкий по хронологии вывод: разгром семичей последовал сразу же за походом Владимира на Волжскую Булгарию в 985 г. (ср.: Шпилёв А.Г. Лучевые и лопастные височные кольца Курского края (IX – начало XIII в.) // Славяно-русские древности... С. 194–196; он же. Северянское Посемье // Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилёв А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в. Курск, 2008. С. 259–265; Енуков В.В. Возникновение древнерусского Курска... С. 131–139).

¹⁰⁴ Моця А.П. Новые сведения о торговом пути из Булгара в Киев // Земли Южной Руси в IX–XIV вв.: (История и археология): Сборник научных трудов. Киев, 1985. С. 131–133. Иевлев М.М., Моця А.П. «Русский» участок пути Булгар – Киев (особенности поселений и маршрута) // Путь из Булгара в Киев: Материалы научной конференции, 26–27 февраля 1991 г. Казань, 1992. С. 25–26; Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев. Пути – связи – судьбы. Киев, 1997.

торки должны были пройти в непосредственной близости от Горналя на Псле – единственного на сегодня бесспорного племенного центра северян. А.В. Куза по находке подражания саманидскому дирхему в «княжеской» постройке 1 отнёс время его гибели в пожарах к 960–970-м гг.¹⁰⁵, что с учётом «неревской» поправки заметно совпадает с хронологией поздней группы «курских» кладов.

Итак, основной удар, судя по локализации кладов, приняла на себя округа Курска. Далее путь Владимира в Булгарию должен был пролегать по Оке, что, судя по всему, также находит отражение в нумизматических материалах. Клады Поочья с младшими монетами 970-х гг. тезаврированы практически одновременно с финальными «курскими»: Борки, 1946 г. (976), Белоомут (977), Борки, 1951 г. (977).

Подведём итоги. В ЖФ отсутствуют сведения о времени основания Курска, а также о протяжённости предшествующего периода в его существовании. Синтез данных археологии и нумизматики указывает на его возникновение в пределах середины 980-х – середины 990-х гг. Из дошедших до нас летописных известий более всего этому соответствует поход Владимира 985 г. Естественно, нельзя с полной уверенностью утверждать, что город отстраивается сразу же после военной кампании, однако артефакты указывают либо на малый хронологический разрыв между этими событиями, либо, что вероятнее всего, вообще на его отсутствие. Соответственно, на уровне сегодняшних знаний за условную точку отсчёта возраста города можно принять 985 г. Первое же упоминание древнерусского Курска в письменности, связанное с переездом семьи Феодосия Печерского в этот город, относится к 1030-м гг. Наиболее вероятной датой этого события является 1036 г., когда у киевского князя Ярослава Мудрого возникла потребность в посылке своих людей на земли вновь присоединённого Левобережья.

¹⁰⁵ Куза А.В. Большое городище у д. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 29.

Национальные движения в России в конце XIX в.

Владислав Гросул

National movements in Russia in the late nineteenth century

Vladislav Grosul (Institute of Russian history, Russian Academy of sciences)

В конце мая 1900 г., будучи в салоне небезызвестной А.В. Богданович, редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» Э.Э. Ухтомский сказал: «Россия расшивается по всем швам... нет у нас на окраинах единства политики»¹. Если бы эти слова произнёс какой-нибудь малоизвестный общественный деятель, то на них можно было бы не обратить особого внимания. Но эта примечательная

© 2015 г. В.Я. Гросул

¹ Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990. С. 253.